

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ восемнадцатый.

Выходятъ
по
Вскресеньямъ.

10-го Февраля 1880 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1880 г. по 10 коп. (жарками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 6.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.

за два раза 15 „

за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— Определеніями Св. Синода а) отъ 17-го октября—
29-го ноября 1879 года за № 17, книга священника вос-
кресенскаго собора въ г. Кашинѣ подъ заглавіемъ «Поученія
на десять заповѣдей Закона Божія» (Москва, 1875 года)
одобрена для приобрѣтенія въ церковныя бібліотеки народ-
ныхъ школъ; — б) отъ 26-го октября— 14-го декабря то-
го же года за № 74, книга статскаго совѣтника В. Мор-
двинова подъ названіемъ «Путеводитель православныхъ по-
клонниковъ по городу Риму и его окрестностямъ», С.-Петер-
бургъ, 1875 года) рекомендована для приобрѣтенія въ фунда-
ментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій, и
— в) отъ 7-го — 14-го того же декабря составленная пре-
подавателемъ третьей московской гимназіи Мининымъ книга
подъ названіемъ «Сборникъ геометрическихъ задачъ» (изда-
ніе второе, исправленное и значительно дополненное. Москва,
1879 года) одобрена для духовныхъ семинарій въ качествѣ
учебнаго пособия по геометріи.

Мѣстныя Распоряженія.

— Назначеніе. 4 февраля, вакантное мѣсто помош-
ника настоятеля при Голомянской церкви, Дисненскаго
уѣзда, предоставлено діакону Леонпольской церкви, того же
уѣзда, *Стефану Косецкому*.

— 3 февраля, утвержденъ въ должности члена благо-
чинническаго совѣта по Вытенскому благочинію—настоятель
Волькобровской церкви *Іоаннъ Гомолицкій*.

— 3 февраля, утвержденъ въ должности церков-
наго старосты къ Векшинской церкви, Шавельскаго уѣзда,
учитель мѣстнаго народнаго училища *Сильвестръ Карпызовъ*.

Мѣстныя Извѣстія.

— Награжденіе псаломщиковъ. 4 февраля, въ виду
засвидѣтельствованія Преосвященнѣйшаго Доната, епископа
Брестскаго, о службѣ и. д. псаломщиковъ церковей, обозрѣн-
ныхъ Его Преосвященствомъ въ Брестскомъ уѣздѣ въ минув-
шемъ году, удостоены 1) посвященія въ стихари и. д.
псаломщиковъ: Шебринской церкви—Петръ Массалевичъ,
Збунинской—Максимъ Федонюкъ, Любашской—Иванъ Мань-

кевичъ, Пашукской—Семень Сацевичъ и Дмитровичской—
Фавстъ Юзвюкъ; 2)—объявленія признательности епар-
хіальнаго начальства, со внесеніемъ о томъ въ формулярные
списки: Каменнице-Жировицкой—Романъ Барановскій, Мо-
кранской—Михаилъ Скорковскій, Велямовичской—Лука Ар-
темюкъ, Пожежинской—Стефанъ Карповъ, Прилукской—
Вареломей Головчинскій, Радостской—Петръ Туръ, Тро-
стяницкой—Антонъ Шумовичъ, Церковницкой—Петръ Ва-
ранскій и Орѣвичской—Аполлинарій Тыминскій; 3)—*Архи-
пастьрскаго благословенія Его Высокопреосвященства*,
со внесеніемъ о томъ также въ формулярные списки; Мало-
рытской—Михаилъ Смородскій, Хмѣлевской—Николай Га-
ховичъ, Кругельской—Петръ Симоновичъ и Великолѣсской—
Даніиль Зиневичъ.

— Освященіе церковей. 13 января, освящена Озер-
ская кладбищенская церковь (б. приходская), послѣ починки
ея на сумму 282 р. 67 к., кромѣ пожертвованнаго ма-
теріала на сумму до 30 р.

— 27 декабря, освящена Сухопольская церковь, Пру-
жанскаго уѣзда, послѣ значительной починки ея на мѣстныя
средства церковно-приходскія (3727 р.)

— Пожертвованія. Коллежск. Асс. Максимомъ Ива-
новичемъ Ивановымъ, извѣстнымъ жертвователемъ книгъ и
свящ. изображеній въ пользу церковей, причтовъ и прихо-
жанъ Литовской епархіи, нынѣ вновь посланы въ Литовскую
Консисторію 500 экз. „Пчелы“—сборника Щербини для
распространенія по бібліотекамъ приходскихъ церковей Ли-
товской епархіи.

— Въ *Быстрицкую* церковь, Виленскаго уѣзда, женою
волостнаго писаря Ольгою Миницкою пожертвована завѣса
къ царскимъ вратамъ цѣною въ 10 р.

— 27 января, рукоположенъ во священника къ
Ляховецкой церкви, Брестскаго уѣзда, *Михаилъ Давидовичъ*.

— 3 февраля, рукоположенъ во діакона и. д. пса-
ломщика Таурогенской церкви *Емельянъ Петровичъ*.

— Отъ Правленія Виленскаго духовнаго училища.
Въ Виленскомъ духовномъ училищѣ состоятъ вакантныя дол-
жности: а) надзирателя училища съ жалованіемъ 200 руб. въ
годъ, при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и столѣ,
и б) эконома училища съ жалованіемъ 120 руб. въ годъ,
при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и столѣ. Обѣ
сіи должности могутъ быть предоставлены и одному лицу.

— **Вакансіи.** Настоятеля: въ с. *Сьдѣльникахъ* и *Изабелинъ* — Волковыскаго уѣзда, въ с. *Великоритъ* — Брестскаго уѣзда, **Цсаломниковъ:** въ с. *Василишкахъ*, Лидскаго уѣзда, въ с. *Осоновъ* — Слонимскаго уѣзда, въ с. *Дукитахъ* — Вилен. уѣзда, въ с. *Заборъ* и *Леонполь* — Дисненскаго уѣзда.

Неофициальный Оубль.

Николай Арсеньевичъ Левиковъ.

(некрологъ.)

26-го января сего 1880 года, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, при полномъ сознаниі, скончался старшій врачъ 27-й артиллерійской бригады и штатный врачъ Литовской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ Николай Арсеньевичъ Левиковъ. Покойный былъ далеко не старый человѣкъ: онъ родился въ 1835 году 22 апрѣля въ селѣ Никольскомъ, что на Тропѣ, Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда. Родителемъ его былъ пономарь Николотропской церкви. Уже самое происхожденіе покойнаго какъ бы предвѣщало ему одни только труды и лишения. И дѣйствительно, вся жизнь его до послѣдней минуты постоянно была переполнена ими. Физическія страданія, которымъ съ 1870 года онъ замѣтно началъ подвергаться, еще болѣе увеличивали его бѣдственное положеніе.

Воспитаніе свое покойный началъ въ Пошехонскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ и продолжалъ въ Ярославской духовной семинаріи. Но вслѣдствіе постоянного неудовольствія на него начальства Ярославской семинаріи за то, что старшій его братъ, Иванъ (уже покойный), нанесъ оскорбленіе инспектору семинаріи, Николай Левиковъ долженъ былъ выйти изъ семинаріи и опредѣлился въ Ярославскую же гимназію. Здѣсь на первыхъ порахъ матеріальныя нужды покойнаго доходили до крайнихъ предѣловъ. Въ губервскомъ городѣ, безъ всякихъ связей, бѣдный юноша, изъ духовнаго притомъ званія, положительно нерѣдко нуждался въ кускѣ насущнаго хлѣба. Изъ за этого только куска, онъ въ первомъ году по поступленіи въ гимназію согласился жить въ церковной сторожкѣ и за сторожа звонилъ на колокольнѣ. Но и при этихъ, до крайности, скудныхъ средствахъ существованія, молодой труженикъ работалъ и занимался съ блестящимъ успѣхомъ. Этими онъ обратилъ на себя вниманіе гимназическаго начальства, которое успѣшило помочь хорошему ученику: особенно сочувственно относился къ нему мѣстный законоучитель о. прот. Иларіонъ Тихомировъ, при содѣйствіи котораго Николай Левиковъ и могъ только поступить въ гимназію. При такомъ сочувствіи, новый гимназистъ сразу занялъ по успѣхамъ первое мѣсто между товарищами и, кромѣ стипендіи, началъ получать, по рекомендаціи гимназическаго начальства, приглашенія быть гувернеромъ, то въ томъ, то въ другомъ домѣ. И здѣсь — въ Вильнѣ — есть нѣкоторыя лица, занимающія очень почетныя должности, которыя въ бытность свою въ Ярославской гимназіи пользовались руководствомъ старшаго своего товарища Николая Левикова. Съ удовольствіемъ вспоминалъ покойный время, проведенное имъ въ занятіяхъ съ дѣтьми помѣщика (Яросл. губ.) Майкова, брата извѣстнаго писателя.

Гимназію Левиковъ кончилъ первымъ ученикомъ съ золотой медалью и хотѣлъ поступить въ университетъ на филологическій факультетъ. Но старшій братъ — Дмитрій, въ это время уже военный врачъ, убѣдилъ его перемѣнить намѣреніе и поступить въ медико-хирургическую академію. Судьба Левикова была окончательно рѣшена. Онъ безъ труда выдержалъ пріемный въ академію экзаменъ, былъ зачисленъ студентомъ и получилъ стипендію. Занатія въ академіи шли

очень успѣшно и молодой студентъ пользовался особеннымъ расположеніемъ, президента Дубовицкаго, о которомъ, равно какъ и о другихъ своихъ профессорахъ, онъ сохранилъ самыя благодарныя воспоминанія. Въ дни послѣдніе передъ кончиною, покойный сердечно сокрушался о болѣзни бывшаго своего профессора въ академіи, извѣстнаго Грубера, не сознавая, что таже болѣзнь (рожистое воспаленіе) послужитъ началомъ его кончины. Академію Николай Левиковъ кончилъ эминентомъ, т. е. съ правомъ полученія степени доктора, безъ особаго устнаго испытанія, по представленіи только ученой диссертациі. Будучи на послѣднемъ курсѣ въ академіи и узнавши о постигшей болѣзни упоминаемаго выше о. Иларіона, Николай Левиковъ на свои скудныя средства рѣшилъ отправиться въ Ярославль, чтобы за оказанное во время оно сочувствіе, лично помочь больному и какъ бы отблагодарить ему: по помощи человѣческой оказалось мало: о. Иларіонъ скончался. Совершившійся фактъ, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ глубокаго уваженія въ настоящее время.

По окончаніи курса академіи въ 1863 году, Николай Левиковъ былъ прикомандированъ къ СПетербургскому военно-сухопутному госпиталю. Но въ томъ же году, по случаю возникшаго въ западномъ краѣ митеча, за недостаткомъ русскихъ врачей, былъ вытребованъ въ Виленскій военный округъ, и посланъ въ Шавли, Ковенской губерніи, въ Нарвекій полкъ.

На новомъ мѣстѣ Левиковъ скоро заслужилъ любовь и уваженіе какъ своихъ товарищей, сослуживцевъ, такъ равно начальства и всѣхъ знавшихъ его: этому единственно содѣйствовали отличное знаніе своего дѣла, честное и неподкупное къ нему отношеніе и исполнительность. Во время митеча Николаю Левикову неоднократно давались очень серьезныя правительственныя порученія (освидѣтельствованіе, наприм., фиктивной болѣзни извѣстнаго Комара), гдѣ нерѣдко съ опасностію жизни, подъ выстрѣлами даже непріятели, приходилось исполнять возложенныя обязанности. Но Богъ хранилъ его и даваемыя порученія исполнялись всегда къ полному удовольствію начальства. За то уже въ 1864 г., черезъ годъ только по окончаніи курса наукъ, Николай Левиковъ былъ удостоенъ Высочайшей награды — ордена св. Станислава 3-й степени.

Перемѣщеніе въ Шавли дало возможность Левикову узнать въ одномъ высокопоставленномъ тогда въ западномъ краѣ духовномъ лицѣ своего родственника. Цѣлая масса воспоминаній о давно прошедшемъ родинѣ, объ общихъ знакомыхъ, о пройденномъ трудномъ поприщѣ, съ каждымъ днемъ сближала все болѣе и болѣе давнихъ родственниковъ, впервые познакомившихся вдали отъ родинѣ, при смутныхъ обстоятельствахъ въ краѣ. Трудное политическое положеніе для русскихъ людей, нѣжная отеческая любовь и участіе съ одной стороны, равно какъ полное уваженіе и сердечное расположеніе съ другой, заставляли новыхъ знакомыхъ быть взаимно поближе, и Николай Левиковъ началъ повременамъ посѣщать своего родственника въ Вильнѣ. Провидѣніе незамѣтно вело его сюда, какъ будто предуказывая, что это новое родственное лицо, замѣнившее ему здѣсь и родныхъ и родину, приметъ его послѣдній, предсмертный вздохъ, закроетъ ему его помертвѣлыя очи.

Будучи по временамъ въ Вильнѣ, Николай Левиковъ познакомился съ семействомъ протоіерея Антонія Пшолко и въ одной изъ его дочерей нашелъ для себя достойную подругу. Новое знакомство заставило его думать объ окончательномъ переѣздѣ въ Вильну и въ 1864 году онъ навсегда

оставилъ Шавли, провожаемый благожеланіями и сожалѣніемъ своихъ сослуживцевъ и мѣстнаго общества.

Въ Вильнѣ Николай Левиковъ поступилъ на службу младшимъ ординаторомъ въ военный госпиталь; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ опредѣленъ и штатнымъ врачомъ при Литовской духовной семинаріи.

Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей Николай Левиковъ принималъ дѣятельное участіе въ ослабленіи въ 1871 г. холерной эпидеміи въ Вильнѣ; около полугода онъ завѣдывалъ двумя бѣднѣйшими и самыми населенными участками города Вильны и съ полною готовностію, совершенно безмездно, подавалъ совѣты всѣмъ обращающимся къ нему бѣднымъ больнымъ.

При основаніи общества „доброхотной копѣйки“ принималъ также горячее участіе въ поданіи помощи больнымъ города Вильны, за что и получилъ дипломъ дѣйствительнаго члена общества.

Такая усердная, честная и благотворная дѣятельность не осталась незамѣченною и, кромѣ другихъ наградъ (покойный имѣлъ ордена Анны 3 ст. и Станислава 2 ст.), Николаю Левикову, по представленію б. главнаго начальника края генералъ-адъютанта Потапова, предоставленъ въ награду, на льготныхъ правахъ, земельный участокъ въ Дисненскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи.

По должности штатнаго врача семинаріи Левиковъ принималъ участіе въ устройствѣ лазарета въ семинаріи на новыхъ началахъ, требуемыхъ современнымъ развитіемъ медицины и гигиены. Въ семинарію онъ являлся ежедневно, въ 10 ч. утра, не ожидая, какъ это нерѣдко бываетъ, предварительныхъ увѣдомленій; эта аккуратность спасла многихъ семинаристовъ отъ усложненій болѣзни. Воспитанники семинаріи всегда относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, а ближайшее начальство и ревизоры—съ одобреніемъ. Семинарія съ неподдѣльнымъ чувствомъ скорби встрѣтила вѣсть о его кончинѣ.

Левиковъ былъ временно домашнимъ врачомъ покойнаго митрополита Іосифа, во время его болѣзни. Митрополитъ вполне довѣрялъ Левикову, очень былъ имъ доволенъ, и въ его присутствіи чувствовалъ себя легче и веселѣе. По требованію митрополита, Левиковъ сопутствовалъ ему въ Виштану, гдѣ, на водахъ, митрополитъ думалъ найти облегченіе въ своей болѣзни. Облегченіе получалось, но только временное, а злой недугъ окончательно подтачивалъ его силы: полное выздоровленіе было невозможно.

Въ послѣднее время Левиковъ былъ назначенъ старшимъ врачомъ 27-й артиллерійской бригады.

Таковъ несложный и небогатый послужной списокъ покойнаго. Гораздо болѣе замѣчательнъ его характеръ, какъ человѣка и его отношеніе къ дѣлу.

Мы видѣли, какую тяжелую школу лишеній прошелъ Левиковъ, особенно на первыхъ порахъ учебной жизни. За то эта школа навсегда оставила въ немъ ту благородную отзывчивость на нужды ближняго, къ которой способенъ только человѣкъ, самъ испытанный такую же нужду. Во всю свою дальнѣйшую жизнь онъ всегда готовъ былъ раздѣлить свои очень скромные достатки съ бѣднымъ, но достойнымъ труженикомъ. Особенно онъ не зналъ предѣловъ въ своихъ заботахъ о молодыхъ людяхъ, бѣдныхъ, ищущихъ образованія. Здѣсь уже и самъ онъ помогалъ и просилъ другихъ о помощи; такіа хлопоты возбуждали даже иногда противъ него неудовольствіе. Но Левиковъ этимъ не смущался и продолжалъ свое доброе дѣло. Понятно, что земляки его—

Ярославцы возбуждали въ немъ особенное къ себѣ сочувствіе. Каждый изъ нихъ, кто обращался къ нему, всегда получалъ отъ него совѣтъ или помощь. Въ послѣднее даже время онъ постоянно поддерживалъ матеріальною помощью одного своего земляка, обучающагося въ мѣстной духовной семинаріи.

Въ оказаніи медицинской помощи онъ, если только позволяли его силы, готовъ былъ сдѣлать все, а бѣднымъ больнымъ посылалъ даже собственныя лекарства, не обращая вниманія на вѣроисповѣданіе и національность. Благодарность этой страждущей части рода человѣческаго и выразилась въ горячихъ слезахъ надъ его гробомъ и могилой. Между другими, много бѣдныхъ евреевъ приходило на квартиру покойнаго опосить слезами гробъ его; другіе присутствовали даже въ церкви на отпѣваніи и провожали останки его на кладбище.

Въ житейскихъ отношеніяхъ всегда проявлялась простая, добрая, благородная русская натура Левикова. Онъ совершенно былъ неискателенъ и чуждался всякой интриги. Любость и уваженіе къ бывшимъ своимъ воспитателямъ и учителямъ, забота о своихъ бѣдныхъ родныхъ, не оставляли его до конца жизни: для многихъ—его утрата будетъ незамѣнима.

Но, съ одной стороны, лишенія, которымъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ подвергаться Левиковъ, съ другой—усиленные труды при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ для достиженія извѣстнаго положенія, очень рано надломили крѣпкую отъ природы и въ высшей степени способную натуру. Уже на послѣднемъ курсѣ въ медико-хирургической академіи Левиковъ перенесъ страшный брюшной тифъ, который оставилъ въ его организмѣ свои слѣды на все дальнѣйшее время. Частыя простуды, сильный ревматизмъ въ ногахъ, расстройство пищеваренія, хронически повторяющаяся Брайтова болѣзнь, рожистая по временамъ воспаленія,—все это въ высшей степени ослабило его организмъ, замѣтно отразилось на зрѣніи, такъ что Левиковъ не могъ заниматься безъ сильно-дѣйствующихъ очковъ, отозвалось на ногахъ, которыя подвергались иногда паралитическому состоянію и задолго до кончины указывали, что Левиковъ—не жилецъ здѣшняго міра. При такомъ болѣзненномъ состояніи, покойный совершенно почти отказался отъ практики и въ гигиеническомъ отношеніи велъ самую строгую жизнь. Отказался отъ куренія, ничего не пилъ, кромѣ воды, съ примѣсю по временамъ немного краснаго вина, могъ ѣсть только легкіе супы и ничего кислаго.

Съ праздниковъ Рождества Христова покойный Левиковъ началъ чувствовать упадокъ силъ, и 14 января окончательно слегъ въ постель. За недѣлю до кончины, 19 января покойный въ полномъ сознаніи говорилъ окружающимъ его, что онъ чувствуетъ приближеніе смерти, сдѣлалъ распоряженіе относительно своего имущества, похоронъ, просилъ пригласить духовника, исповѣдался и причастился св. таинъ. Никому изъ присутствующихъ не вѣрилось, чтобы это дѣйствительно были послѣднія распоряженія: такъ они были спокойны, разумны, сознательны... Но Богъ судилъ иначе... 26 января Николая Левикова не стало: передъ кончиною—минутъ за пять онъ просилъ только повернуть его на другую сторону: это была уже послѣдняя просьба вполне сознательная, спокойная, неприхотливая, какъ и вся предыдущая жизнь покойнаго.

Да, этотъ труженикъ нуждался въ отдыхѣ, и Богъ послалъ ему покой вѣчный, безмятежный... На землѣ для него не было болѣе мѣста.

Высокопреосвященнѣйшій Александръ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, всегда съ отеческимъ участіемъ относившійся къ судьбѣ Левикова, самъ совершилъ его отпѣваніе и проводилъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія.. Нѣсколько трогательныхъ словъ, сказанныхъ на могилѣ покойнаго извѣстнымъ у насъ проповѣдникомъ, священникомъ Іоанномъ Шверубовичемъ, вполне служили отголоскомъ мыслей и чувствованій всѣхъ присутствующихъ.

Миръ праху твоему честный слуга отечества, доблестный гражданинъ, благороднѣйшій человекъ и нѣжнѣйшій мужъ и отецъ! Sit tibi terra levis.

Касательно жгучихъ вопросовъ современнаго пастырства.

Недавно, въ разныхъ епархіальныхъ органахъ нашей духовной журналистики, возбуждены были вопросы, названные вполне соответственнымъ эпитетомъ—*жгучими* (см. Лит. еп. вѣд. № 1, за 1880 г.), надъ которыми приходится серьезно призадуматься каждому пастырю, болѣе или менѣе принимающему къ сердцу религіозно-нравственные интересы своей паствы, по долгу отвѣтственности предъ верховнымъ пастыреначальникомъ—Христомъ. Если каждый совѣстный слуга престола и отечества обсуждаетъ состояніе своего дѣла, изыскиваетъ все средства къ подъему своей отрасли и зависящими мѣрами устраняетъ неблагоприятныя для нея условія,—то тѣмъ болѣе, надо сознаться—слуга престола Божія и церкви спасающей долженъ давать самому себѣ отчетъ о состояніи своего прихода, въ религіозно-нравственномъ отношеніи, возводить его отъ силы въ силу, или, по крайней мѣрѣ, позаботиться объ устраненіи вредныхъ вліяній на свою паству. „То мое званіе, то моя должность“, говорили встарину лучшіе представители пастырства. (Св. Димитрій Ростов.).

Правда! Слуги государства обставлены всевозможными гарантіями успѣха и, въ необходимой степени,—правами власти, для своей дѣятельности; а слугѣ церкви предоставляется дѣйствовать лишь орудіемъ слова Божія; и часто въ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ законно можетъ искать содѣйствія, приходится ему встрѣчать либо равнодушіе, либо преднамѣренное противодѣйствіе (на что постоянно раздаются сѣтованія устно и въ печати). Но что-же дѣлать? Подумаемъ о томъ, что можемъ сдѣлать въ сферѣ предоставленныхъ намъ правъ. Ставимъ предъ собою жгучіе вопросы, вызванные пастырскою практикою.

1) Замѣчается упадокъ цѣломудрія; приходится вѣнчать блудниковъ, оставившихъ соблазненныхъ ими на произволъ судьбы; на содѣйствіе сельской власти нечего рассчитывать. Какъ поступать въ данномъ случаѣ? Обыкновенно обольщенные прибѣгаютъ подъ защиту священника часто тогда уже, когда бываетъ поздно; т. е. когда оглашенія дочтываются, и настаетъ назначенный срокъ бракосочетанію. Очевидно, онѣ дѣлаютъ это съ явною цѣлю затормозить вѣнчаніе, либо сдѣлать публичный скандалъ жениху, потрясающей суею въ церкви, при вѣнчаніи его. Брать слишкомъ ретиво сторону пострадавшей, не будетъ ли это потворствомъ для нея и послабленіемъ для другихъ, разнузданныхъ ватуръ, которыя, слишкомъ рассчитывая на поддержку и защиту себя, могутъ съ большею безпечною вдаваться въ соблазны? Наконецъ и то надо взять во вниманіе, что нѣкоторые изъ таковыхъ, съ умысломъ опутываютъ молодца, чтобы закрыть ему путь къ отступленію; вѣдь всяко бываетъ. Намъ кажется, что для борьбы съ этимъ зломъ, слѣдуетъ предъ

брачнымъ сезономъ (такъ какъ у крестьянъ на свадьбы есть особая пора, преимущественно предъ весенней косбой и послѣ осенней уборки),—сказать рядъ поученій о томъ, какъ должно относиться къ браку, въ которыхъ ярко выставить жестокія несправедливости и безобразія, проистекающія отъ незаконныхъ сближеній, подъ предлогомъ обѣщаній соединиться бракомъ. При чемъ не заступаться особенно за соблазненныхъ, чтобы онѣ чувствовали тоже вину своей разнузданности и тяжкія послѣдствія своего собственнаго легкомыслія; однакоже обѣщать имъ свое участіе въ такомъ только случаѣ, когда онѣ заявятъ о своей претензіи, къ обольстителю, за нѣсколько времени до его брака съ другою, даже по возможности до оглашеній, чтобы можно было священнику принять мѣры вразумленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать извѣстнымъ, что сцены въ церкви не только не будутъ допускаемы, но даже подвергнутъ виновныхъ преслѣдованію, по закону, какъ за нарушеніе благочинія въ храмѣ.

Само собою, какъ бы ни секретничала сторона обидчика, но сговора утаить трудно; а потому обиженная сторона имѣетъ возможность заблаговременно пожаловаться священнику, и при первомъ же требованіи оглашенія священнику слѣдуетъ собрать къ себѣ всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, въ томъ числѣ непременно родителей ихъ. Тогда тщательно разслѣдовавъ, на сколько кто виновнѣе своимъ легкомысліемъ, поставить на видъ всѣмъ присутствующимъ: мерзкій поступокъ во всякомъ случаѣ мужчины; ожидающее его въ бракѣ, съ другою, неблагословеніе Божіе; бѣдственную участь опозоренной имъ и брошенной на произволъ судьбы, можетъ быть и съ плодомъ своего грѣха; и такимъ образомъ склонить его если не къ исполненію нарушеннаго обѣщанія жениться, то по крайней мѣрѣ къ успокоенію претендующей, на возможно сносныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. Въ крайнемъ случаѣ, если претензія заявлена во время, можно бракосочетаніе провинившагося отложить, затянуть; но остановить въ назначенный уже срокъ, или недопускать вовсе,—для этого, намъ кажется, нѣтъ основаній, и можно вызвать противъ себя серьезныя неудовольствія.

Къ прискорбію, подобныя грустныя явленія нельзя назвать исключительными, или случайными; а потому весьма желательно было бы доискаться тѣхъ вліяній, которыя содѣйствуютъ развитію подобной нравственной болѣзни въ приходѣ. Итакъ, отчего можетъ происходить упадокъ цѣломудрія въ деревняхъ? Авторъ жгучихъ вопросовъ объясняетъ это „тлетворнымъ духомъ времени“ и тѣмъ, что „простой человекъ почувствовавъ себя на свободѣ, сталъ обнаруживать свои животныя, ничѣмъ не сдерживаемыя инстинкты“. Неспоримо, что и эти причины имѣютъ свое вліяніе. Но и то надо сознать, что соблазнъ всегда имѣлъ свою пагубную силу; если же въ прежнее время менѣе было случаевъ нарушенія цѣломудрія, то можетъ быть благодаря тому, что строгость нравовъ того (весьма недалекаго отъ насъ) времени прибѣгала къ такимъ строгимъ, даже суровымъ мѣрамъ высканія, которыя теперь *немыслимы да и нежелательны*. Такъ, напримѣръ, блудниковъ публично наказывали на колокольнѣ, веревкой отъ колокола, либо привязывали къ дверямъ колокольни, на нѣсколько часовъ. Случалось, по мѣстамъ, что провинившихся, въ плотскихъ грѣхахъ, водили по улицамъ деревни въ полунагомъ видѣ, съ хомутомъ на шеѣ, на всеобщій позоръ. Памятникомъ прежнихъ строгихъ мѣръ служаютъ прорѣзы, или продолговатыя отверстія въ стѣнѣ, отдѣляющей притворъ отъ церкви, въ уровень съ глазами людей, стоящихъ въ притворѣ, которыя и теперь еще можно

видѣть въ нѣкоторыхъ церквахъ нашей епархіи. Черезъ эти отверстія слѣдили за службой церковной именно блудники, которымъ не дозволялось входить въ самую церковь, о чемъ упоминаетъ извѣстный Браунъ (путешественникъ XVI ст.) и замѣчаетъ, въ своемъ описаніи, что такимъ образомъ „можно (было) узнать нескромныхъ юношей и лишенныхъ невинности дѣвицъ“¹⁾.

Какъ на современную мѣру авторъ жгучихъ вопросовъ указываетъ въ примѣрѣ одного священника, который не возложилъ вѣнца на молодого, уличеннаго въ прелюбодѣяніи; но онъ самъ же, т. е. авторъ, выразилъ опасеніе, чтобы эта мѣра, сдѣлавшись обыкновенною, не потеряла своей силы. Что дѣйствительно можетъ произойти такъ, тому доказательствомъ служить одинъ изъ давнихъ обычаевъ, соблюдаемый и доселѣ, въ числѣ свадебныхъ обрядовъ, въ крестьянскомъ быту, но потерявшій свою силу. Именно, наканунѣ брака, въ такъ называемый „дѣвичъ—вечеръ“, или *двоцкій*, заставляють особо жениха и особо невесту сѣсть на *дежу* (квашню) прикрытую тулупомъ, на выворотъ. Причемъ установлено завѣтомъ старины садиться тѣмъ только, которые сохранили цѣломудріе и дѣвственность. Этотъ обычай такъ свято соблюдается, что кому совѣтъ претитъ, тотъ не осмѣлится сѣсть на дежу. Какъ хотите, это—тѣже вѣнцы, по своему значенію; однако что изъ того? Вотъ, положимъ, женихъ идетъ засвидѣтельствовать, что онъ чистъ; идетъ, замѣняется и не сѣлъ. Раздался дружный хохотъ; послышались голоса пристыживания; можетъ быть завяжется и перебранка; а въ концѣ концовъ слѣдующія за тѣмъ церемоніи, вмѣстѣ съ попойкой, идутъ своимъ чередомъ.

Итакъ, что же мы можемъ сказать относительно причинъ, влияющихъ на упадокъ цѣломудрія? Прошло не мало времени какъ мы сами не имѣемъ возможности поближе вникнуть въ эти причины собственными наблюденіями. Но насколько можемъ судить объ этомъ дѣлѣ, скажемъ, что первую вредно влияющую причиною (разумѣется кромѣ индивидуальныхъ случаевъ, со стороны испорченной природы и подвернушагося соблазна) мы считаемъ бытовыя условія. Представьте себѣ одну жилую комнату въ избѣ, на всѣхъ взрослыхъ и дѣтей, въ которой, какъ нерѣдко бываетъ, помѣщается вмѣстѣ не одна чета, и въ которой къ тому еще плодятся взятые на зиму овечки; присовокупите къ этому беззастѣнчивую рѣчь простолюдия, непристойныя шутки, а во время угощеній и пьяномъ видѣ сальные рассказы, безцереминныя заигриванія; представьте все это содѣваемымъ тутъ же, на глазахъ малыхъ,—и въ одномъ этомъ вы найдете достаточно вліяній, дѣйствующихъ самымъ развращающимъ образомъ. Тотъ же Браунъ, еще въ XVI ст. обращалъ общественное вниманіе на такой неестественный, или вѣрнѣе сказать, первобытный домашній бытъ въ нашемъ краѣ. Вотъ его слова: „Родители

¹⁾ Еще была одна мѣра наказанія, довольно распространенная въ костелахъ и б. нашихъ уніатскихъ церквахъ—это такъ называемая „куна“, отсюда пословица: „сидѣть какъ въ кунѣ“. Обыкновенно внутри костела или церкви, въ стѣнѣ, отдѣляющей церковь отъ притвора вдѣлывался широкій желѣзный болтъ выгнутый наружу. Лицо виновное приводилось къ стѣнѣ и желѣзными болтами обхватывалась его шея. Болтъ запирался на замокъ, ключъ отъ котораго находился у старшаго братчика или же у настоятеля. Проступки, подвергавшіе этому публичному наказанію, были слѣдующіе: развратъ, нарушеніе святости воскресныхъ и праздничныхъ дней, усиленное пьянство и буйство въ кабакѣ, неуваженіе родителей, ссоры супруговъ и злой примѣръ отсюда дѣтямъ. Назначеніе этого наказанія зависѣло, по преимуществу, отъ настоятеля прихода и было свободно отъ протеста. Ред.

съ дѣтьми, съ рабочимъ скотомъ и другими животными располагаются вмѣстѣ, въ одной теплой, грязной избѣ... тутъ же жена родильница лежитъ...“

Къ числу пагубныхъ вліяній надобно отнести и воинскіе постои²⁾; но есть еще одно зло, едва-ли не самое вопіющее; это такъ называемые *ночлеги*, на которые, чтобы покормить лошадей, домохозяева отправляютъ не только своихъ хлопцовъ, но и дѣвокъ. Всѣ *ночлежники*, обоюго пола, отправляются совмѣстно, верхомъ на лошадяхъ, на всю ночь; и понятно, чего можно ожидать отъ такого порядка. На такое зло, какъ на неизбежное, крестьяне смотрятъ сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что считаютъ себя нравственно обязанными оберегать честь лишь собственныхъ дочекъ; а до *найматокъ* (наемницъ) имъ и дѣла нѣтъ; дескать—вольному воля. И дѣйствительно, бѣдныя работницы—дѣвки, лишенныя почему либо родительской опеки, чаще падаютъ чѣмъ хозяйскія дочки³⁾.

Но что же можно сдѣлать противъ этихъ неблагоприятныхъ условій? Экономическій строй передѣлать трудно; остается внушать и внушать, чтобы прихожане, во имя счастья дѣтей, сами вникали въ то, какимъ образомъ они развращаютъ ихъ, то невоздержнымъ словомъ, то непристойными удовольствіями, то легкомысленнымъ отношеніемъ къ молодежи, то безпечнымъ взглядомъ на тѣ условія своего быта, которыя могутъ вызвать соблазны и способствовать опасному сближенію обоихъ половъ. Затѣмъ въ выводѣ выставить имъ на видъ, до какой степени они отвѣтственны предъ Богомъ и своимъ обществомъ за тѣ случаи паденія, незаконныхъ рожденій, возмутительныхъ предбрачныхъ претензій и за тѣ примѣры жалкой участи женщинъ, навсегда опороченныхъ и брошенныхъ на произволъ судьбы, вмѣстѣ съ прижитыми внѣ брака дѣтьми, какіе являются въ приходѣ, къ обличенію его нравственнаго состоянія. Особенно слѣдуетъ почаще взывать къ чуткому сердцу матерей, и заклинать ихъ, всѣмъ для нихъ священнымъ, чтобы онѣ бдительно и зорко оберегали чистоту своихъ дѣтей, не отпуская ни за что, по крайней мѣрѣ своихъ дочерей, въ корчму, или на игрища, за скромность которыхъ нельзя ручаться, и даже на службу, въ тѣ хаты, въ которыхъ нравственность можетъ подвергнуться испытанію. Напоминать домохозяевамъ, что они предъ Богомъ и своею совѣстію не освобождаются отъ обязанности заботиться о нравственности своихъ слугъ, устраняя отъ нихъ какъ отъ родныхъ дѣтей, всякіе случаи возможныхъ преткновеній, хотя бы пришлось для блага ближняго поступиться своими интересами; ибо по заповѣди апостола, это общій долгъ—*вразумлять безчинныхъ* (1 Сол. 5, 14). Показывать преимущество тѣхъ игрищъ и забавъ, которыя происходятъ не въ корчмѣ, а по избамъ, и проводить въ народъ ту мысль, что настала пора людямъ *свободнымъ* облагораживать себя благопристойностію въ словахъ и въ обращеніи съ другими, нисколько не лишая себя права повеселиться въ компаніи.

²⁾ Отъ священниковъ мы не разъ слышали, что ихніе приходы были свободны отъ незаконныхъ рожденій цѣлые годы, даже десятилѣтія, пока по деревнямъ не было военныхъ постоевъ, которые внесли туда заразу блуда, который, къ прискорбію, нужно сознаться, царитъ въ войскахъ въ широкихъ размѣрахъ. Ред.

³⁾ Сюда же, т. е. къ числу пагубныхъ вліяній нужно отнести обиліе господскихъ усадебъ или дворовъ въ данной мѣстности и ихъ многочисленную дворню, а равно присутствіе фабрикъ. Здѣсь явленія нецѣломудрія и разврата весьма часты, особенно если мѣстный священникъ—„добрый попъ“, въ смыслѣ снисходительности по природной слабохарактерности или по др. причинамъ. Ред.

Въ слѣдующій разъ мы скажемъ, какія еще можно имѣть въ виду мѣры для той-же цѣли; а пока считаемъ нужнымъ кстати испросить у читателя прощенье въ томъ, что позволяемъ себѣ приводить самыя мотивы поученій, и притомъ вскользь, въ необработанномъ видѣ. Мы далеки отъ того, чтобы навязывать собратіямъ свои темы; но дѣлаемъ это съ цѣлюю обмѣна мыслей, относительно одинаково интересующаго всѣхъ насъ дѣла, для котораго кто что можетъ, вноси въ общую сокровищницу способовъ дѣйствованія „*то новое, то ветхое*“, лишь бы оно годилось сколько нибудь.

Въ заключеніе, коснемся возраженія, которое можно предвидѣть, что борьба поученія съ этимъ зломъ (нецѣломудрія) уже испробована. Въ этомъ конечно никто не сомнѣвается; но цѣль этой замѣтки главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы во 1-хъ, показать необходимость почаще напирать противъ одной и той же аномалии въ приходѣ. По пословицѣ: „вода по каплямъ долбитъ и камень“; стало быть и отъ слова за словомъ кто нибудь да почувствуетъ же страхъ Божій; во 2-хъ, представить, какъ болѣе дѣйствительную мѣру то, чтобы поученія имѣли характеръ *предупреждающій* и *предостерегающій*, приравнительно къ установившимся въ народѣ сезонамъ для игръ и браковъ. С. I—из Б—из.

(Продолженіе впереди).

Бесѣда въ недѣлю блуднаго сына *).

„Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою“
(Лук. 15, 21).

Благословенны тѣ минуты, когда душа наша просыпается отъ грѣховнаго усыпленія, и мы, поразившись своимъ ничтожествомъ и ужаснувшись своихъ грѣховныхъ язвъ, спѣшимъ прибѣгнуть къ милосердію Отца небеснаго, въ покаяніи зывая къ Нему изъ глубины души: „Отче, согрѣшили мы противъ неба и предъ Тобою“!

Тысячу кратъ благословенны такія минуты!.. Но, братіе, часто-ли такія минуты находятъ на насъ, и всегда-ли онѣ производятъ въ душѣ нашей рѣшительный переворотъ? Увы! Вихрь страстей увлекаетъ насъ; злоба дня не даетъ намъ времени помыслить о вѣчномъ; житейская суета очерствяляетъ наше сердце и подавляетъ въ немъ все лучшее—святое.

Знаетъ это св. церковь; знаетъ она нашу немощность и преклонность ко злу; знаетъ, какъ много и премоного работаемъ мы плоти, міру и диаволу: знаетъ все это, и потому не перестаетъ напоминать намъ „о единомъ на потребу“ (Лук. 10, 42). Въ особенности же предъ св. четырьдесатницею, какъ предъ временемъ нашего говѣнія, она усугубляетъ свое попеченіе о нашемъ спасеніи и усиливаетъ свой голосъ, созывая чадъ своихъ, разсѣянныхъ на распутьяхъ міра, и призывая ихъ къ покаянію.

Но бываетъ и такъ: просыпается совѣсть грѣшника, открываются его мысленныя очи, и онъ съ ужасомъ зреть язвы души своей. Срамота пороковъ и глубина грѣховной бездны до того поражаютъ его, что онъ приходитъ въ отчаяніе и не смѣетъ надѣяться на милосердіе Господне. И тутъ св. церковь не оставляетъ грѣшника, но, какъ многопопечительная мать, спѣшитъ къ нему на помощь; и какъ бы онъ глубоко ни порязъ въ порокахъ, не гнушается имъ, но ста-

рается его ободрить, указывая на неизслѣдную бездну Божескаго милосердія.

Съ такою именно цѣлюю предлагалась нынѣ вашему вниманію, братіе, трогательная евангельская притча о блудномъ сынѣ. Въ ней съ особенною ясностію выражена та мысль, что Господь Богъ есть Отецъ милосердый, всегда готовый принять кающагося грѣшника и возратить ему дары своей благодати.

Изображая тѣ заблужденія, въ которыя молодость и страсти повергли неразумнаго юношу, а затѣмъ представляя его обращеніе, эта притча даетъ намъ въ высшей степени назидательный урокъ.

„*Человѣкъ нѣкій имѣ два сына*“,—такъ начинается притча о блудномъ сынѣ: „и рече юнѣйшій ею отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія и раздѣли имѣ имѣніе“ (ст. 11, 12). Здѣсь подъ образомъ человѣка представляется самъ Богъ—нашъ Отецъ небесный. Старшій сынъ изображаетъ людей благочестивыхъ, живущихъ всегда съ Богомъ, преданныхъ и послушныхъ Ему; а юнѣйшій сынъ представляетъ человѣка грѣшнаго, непостояннаго и своевольнаго. Подъ имѣніемъ же, раздѣленнымъ отцемъ между дѣтьми, разумѣются дары Божіи, какъ естественныя, такъ и благодатныя.

И рече юнѣйшій сынъ отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія. Что побудило младшаго сына къ такой просьбѣ? Развѣ худо было ему въ домѣ отца? Развѣ нуждался онъ въ чемъ нибудь? Или, быть можетъ, отецъ былъ суровъ и несправедливъ къ нему? Быть можетъ его обременили непосильными трудами? Ничего подобнаго не было. Въ домѣ находилось много слугъ и наемниковъ, а отецъ, какъ видно изъ притчи (ст. 20, 22—24, 32), былъ необыкновенно добръ. Итакъ, чтоже побудило юношу къ такой просьбѣ? Ничто иное, какъ безразсудное желаніе неограниченной свободы и ничѣмъ нестѣсняемаго произвола. Ему показалась тяжкою сыновняя зависимость даже отъ такого нѣжнаго отца; ему стало мало тихихъ невинныхъ семейныхъ радостей въ домѣ родительскомъ; предъ нимъ рисуются картины иной жизни; въ душѣ его проносятся соблазнительные образы иныхъ удовольствій, и вотъ въ немъ является необузданное стремленіе и неутомимая жажда испить чашу всевозможныхъ наслажденій.

Не такъ-ли, братіе, поступаетъ и грѣшникъ? Лишь только грѣхъ проникнетъ въ душу и овладѣетъ сердцемъ, какъ человѣкъ начинаетъ тяготиться „благимъ и легкимъ игомъ“ закона Господня (Мф. 11, 30); воля Божія становится для него стѣснительною, и онъ рѣшается слѣдовать влеченію своихъ похотей. И замѣчательно: по сказанію притчи, независимости ищетъ не старшій сынъ, а юнѣйшій. Этимъ показывается, что незрѣлая и легкомысленная юность болѣе другихъ возрастовъ тяготится нравственными требованіями, которыя ограничиваютъ пылкіе порывы ея природы, прельщающей „временною грѣха сладостію“ (Евр. 11, 25). И хотя слово Божіе и св. церковь со всею силою убѣждаютъ, что „оброцы грѣха смерть“ (Рим. 6, 23), что возможное земное счастье пріобрѣтается не иначе, какъ путемъ добродѣтели; но эти убѣжденія рѣдко достигаютъ сердца, обольщеннаго порокомъ; напротивъ, грѣхъ поселяетъ къ нимъ недовѣріе, тѣмъ болѣе, что добродѣтель за всѣ жертвы обѣщаетъ награду не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ; полнаго же плода и вознагражденія за всѣ труды и лишенія и не обѣщаетъ въ мірѣ, а велитъ ждать по смерти. Но грѣшникъ, руководясь земнымъ мудрованіемъ

*) Сказана за архіерейскимъ служеніемъ въ Свято-Духовомъ монастырѣ 28 января 1879 года.

и будучи обуреваемъ страстями, хотѣлъ бы, не смотря на всѣ свои недостатки, сдѣлаться блаженнымъ здѣсь и притомъ какъ можно скорѣе. И вотъ у него является самомнѣніе относительно будущихъ наградъ за добродѣтель, относительно богоучрежденности Христовой церкви и необходимости пребывать въ ея послушаніи, относительно даже будущей жизни. Далѣе, ему представляются въ преувеличенномъ видѣ жертвы, требуемыя нравственнымъ закономъ, и въ тоже время воображеніе рисуетъ разнообразную, соблазнительную картину грѣховныхъ удовольствій. И мнится ему: „зачѣмъ оставлять вѣрное—настоящее и стремиться къ будущему—неизвѣстному? Тѣ удовольствія и радости, которыя даетъ мѣръ,—налицо: стоитъ только рѣшительнѣе и смѣлѣе пойти къ нимъ“. Плачевныя послѣдствія, къ которымъ обыкновенно приводитъ порочная жизнь, могли-бы, кажется, вразумить каждаго и заставить убѣгать грѣха какъ отъ лица змія, какъ отъ львиныхъ зубовъ, умерщвляющихъ душу (Сир. 21, 2, 3) и разрушающихъ тѣло; но, къ несчастію, пороки гасятъ свѣтъ разума и отуманиваютъ мысленныя очи; почему порочные люди „видя не видятъ, слыша не слышатъ, и не разумѣютъ“ (Мѡ. 13, 13). Если-же они и замѣчаютъ пагубныя слѣдствія грѣха, въ особенности на лицахъ постороннихъ, то приписываютъ это недостатку благоразумія или особенному стеченію обстоятельствъ. Но стоитъ только, думаютъ они, имѣть болѣе осторожности и предусмотрительности — и бояться нечего. И вотъ, успокоивъ себя такими мыслями, дѣйствительно вступаютъ безбоязненно на широкій путь, ведущій въ пагубу.

О вы, отцы и матери, учителя и воспитатели и всѣ, имѣющіе жизненный опытъ! Пожалѣйте своихъ дѣтей, своихъ питомцевъ,—пожалѣйте увлекающуюся юность, и всемѣрно предохраняйте ихъ отъ пагубнаго невѣрія и обаянія лежащаго въ злѣ міра... Насаждайте въ сердца ихъ плодотворныя сѣмена вѣры, нравственности и послушанія св. церкви; паче-же всего сами служите имъ живымъ примѣромъ богобоязненной жизни, памятуя, что каждый соблазнитель подвергнется въ день судный такому страшному гнѣву Божию, что ему, по слову Спасителя, *лучше было-бы, если-бы повѣсили на шею его мельничный жерновъ, и потопили бы его въ глубинѣ морской* (Мѡ. 18, 6).

Но и доброе воспитаніе, и благіе примѣры не всегда, къ сожалѣнію, удерживаютъ насъ на пути добродѣтели. Не удержали они въ родительскомъ домѣ и сына, упоминаемаго въ притчѣ. Ибо онъ, по прошествіи немногихъ дней послѣ раздѣла имѣнія, собравъ все имущество свое, *„отыде на страну далече, и ту расточи имѣніе свое, живый блудно“* (ст. 13). Если при этомъ мы вспомнимъ, что и Авраамъ нѣкогда оставилъ землю и домъ отцевъ своихъ, и сопоставимъ это удаленіе Авраама съ удаленіемъ изъ дома родительскаго блуднаго сына: то какую непомѣрную найдемъ разницу! Одинъ уходилъ по повелѣнію Божию, чтобы вдали отъ развращеннаго рода своего соблюсти истинную вѣру и обѣтованія Божія,—и Господь за это *„благословляетъ его, и возвышаетъ его злато и даетъ ему овцы и телмы, серебро и злато, рабы и рабыни, и вельблуды и ослы“* (Быт. 24, 35). Напротивъ, другой оставляетъ домъ отца своего, чтобы предаться влеченію своихъ страстей и жить въ похотахъ своего сердца;—и чтоже? *„И расточи имѣніе свое, живый блудно“*.

Отцовское имущество расточено, а въ странѣ той настала великій голодъ, и несчастный юноша *„сталъ нуждаться. И шедъ прильпился единому отъ жителей той страны:*

и посла его на села свои пасти свинія. И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже аядху свинія: и никто-же даеше ему“ (ст. 14, 15, 16). Какал поразительная картина позора и униженія!... Но не такъ-ли бываетъ и въ жизни нравственной?! Оставивъ „тѣсный путь“ заповѣдей Божіихъ, „путь истины и живота“, по которому ведутъ людей къ вѣрной пристани слово Божіе и св. церковь, и избравъ себѣ *„по своимъ похотемъ“* (2 Тим. 4, 3), *„широкій путь, вводящій въ пагубу“* (Мѡ. 7, 13), —путь отступленія отъ закона Божія, грѣшникъ все далѣе и далѣе удаляется отъ своего небеснаго Отца и вмѣстѣ съ тѣмъ все глубже и глубже погрязаетъ въ срамныхъ порокахъ. Въ безразсудныхъ мечтахъ о независимости, въ легкомысленныхъ усиліяхъ найти счастье въ заповѣдяхъ нравственнаго закона и божественной благодати, онъ губитъ прежде всего свои дары благодатные: чистоту сердца, простоту вѣры, благоговѣніе къ святынямъ и даже самую вѣру въ Бога. Его сердце *„присно блуждаетъ“* (Ев. 3, 10) и не вѣдаетъ услажденія отъ молитвеннаго собесѣдованія съ Богомъ и не имѣетъ сладостнаго упованія жизни вѣчной. Онъ чуждъ духовнаго веселія, проистекающаго отъ пребыванія въ храмѣ, отъ слушанія слова Божія и отъ принятія святѣйшаго таинства причащенія. Все это для грѣшника потеряно;—мало того: все, что отзывается вѣрою и благочестіемъ, ему становится противно и несносно... *„И расточи имѣніе свое“*.

За потерю даровъ благодатныхъ весьма часто слѣдуетъ потеря даровъ естественныхъ: разстройство здоровья, омраченіе и отупленіе душевныхъ силъ и потеря имущества. Послѣ всего этого неудивительно, что всякой душѣ человѣка, творящаго злое, остается, по слову апостола, скорбь и тѣснота (Рим. 2, 9), а потому и *„нѣсть радоватися нечестивымъ“*, какъ говоритъ Господь черезъ пророка (Ис. 48, 22).

Но, быть можетъ, такія тяжкія потери у грѣшника вознаграждаются полнотою свободы? И этого нѣтъ. Напротивъ, грѣхъ повергаетъ человѣка въ ужасное рабство. *„Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха“*, говоритъ Спаситель (Іоан. 8, 34). Правда, если смотрѣть только на поверхность грѣха и на первые шаги грѣшника, то въ грѣхѣ представляется не рабство, а вольность и независимость. Ибо въ чемъ состоитъ грѣхъ? Въ томъ, чтобы не слушать повелѣній самаго Бога, идти противъ законовъ своего Творца и поступать по своему произволу. Такъ грѣшникъ и дѣлаетъ. Онъ позволяетъ себѣ то, о чемъ добродѣтельный человѣкъ и помыслить не смѣетъ, удовлетворяетъ такимъ своимъ желаніямъ, коихъ благочестивый или вовсе не имѣетъ, или-же подавляетъ въ самомъ ихъ зародышѣ. Но къ чему-же приводитъ такая разнузданность? Къ тому, что съ теченіемъ времени пороки становятся всевластнымъ кумиромъ, лишаящимъ грѣшника свободы дѣйствій, если только эти дѣйствія не направлены къ ихъ удовлетворенію. И при всемъ томъ напрасны попытки грѣшника удовлетворить свое порочное сердце и развращенную душу; ибо одна страсть рождается изъ непа другой; одинъ грѣхъ влечетъ за собою множество другихъ; одно пожеланіе, получивши удовлетвореніе, производитъ новое и т. д. Душа чувствуетъ усталость, но развращенное сердце все чего-то желаетъ и чего-то ищетъ. *„И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже аядху свинія: и никтоже даеше ему“*.

Въ такомъ ужасномъ состояніи находится душа, порабощенная пороками. И если бы не божественная благодать, то ни одному изъ подобныхъ грѣшниковъ не было бы спасенія.

Но да будетъ имя Господне благословенно во вѣки!

Ибо, идѣ-же умножися грѣхъ, ту преизбыточествуетъ благодать. И доколѣ въ душѣ чловѣка сохраняется хотя малая капля чего либо добраго, дотолѣ не отступаетъ отъ него благодать Божія, но непрестанно призываетъ его къ покаянію. „*Се стою при дверехъ и толку*“, говоритъ Спаситель; и „*аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечераю съ нимъ, и той со Мною*“ (Апок. 3, 20). Способы, посредствомъ которыхъ благодать Божія призываетъ грѣшника къ покаянію, многообразны. Но когда грѣшникъ не слушаетъ кроткаго призывающаго гласа, тогда Господь призываетъ его къ Себѣ грознымъ опредѣленіемъ Судіи, посылая на него болѣе или менѣе тяжкія испытанія. И благо грѣшнику, если вразумятъ его хотя бѣдствія.

И блуднаго сына нищета и голодъ заставили наконецъ придти въ себя. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, до чего довели его своеволие и пороки. Теперь онъ вспомнилъ о первыхъ лѣтахъ невинности, о чистыхъ радостяхъ въ домѣ родительскомъ, и убѣдился, что самые лучшіе дни его жизни были именно тѣ, когда онъ не зналъ порока. Теперь онъ сталъ завидовать даже участи рабовъ, живущихъ въ домѣ отца его; сравниваетъ ихъ спокойное состояніе съ своимъ униженнымъ и бѣдственнымъ положеніемъ, и чѣмъ болѣе находитъ разности, тѣмъ болѣе тѣготится собою. Будучи не въ силахъ переносить свою печаль, отъ стыда преклоняя къ земли свое чело и не смѣя глядѣть на небо, онъ готовъ бы тотчасъ же начать жизнь новую—лучшую: но у него нѣтъ силы воли, онъ не въ состояніи устоять при видѣ соблазна, а поддержать его некому. Не лучше-ли вовсе удалиться отъ искушеній, и притомъ туда, гдѣ всегда можно найти помощь въ борьбѣ съ своими злѣйшими врагами—порочными наклонностями и страстями? Гдѣже такое мѣсто, какъ не въ домѣ добраго отца? И вотъ блудный сынъ рѣшается, хотя не безъ страха, но и не безъ надежды возвратиться къ отцу своему, излить предъ нимъ скорби души своей и со слезами раскаянія просить его, чтобы онъ принялъ своего недостойнаго сына хотя въ число наемниковъ.

Утвердившись въ такомъ намѣреніи, юноша „*воставъ иде ко отцу своему. Еще же ему далече сушу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его, и облобыза его... И рече къ рабамъ своимъ: изнесите одежду первую, и облеките его, и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозь: и приведше телецъ упитанный заколите, и ядше веселимся. Яко сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе: и избѣгъ бѣ, и обрѣтеся*“ (ст. 20, 22—24).

Какая трогательная, братіе, картина! Хотя младшій сынъ и оказывается крайне неблагодарнымъ и распутнымъ, но отецъ постоянно думаетъ объ немъ; его сердце не забываетъ его; его взоры невольно устремляются въ ту сторону, гдѣ находится несчастный. И вотъ, сынъ еще далеко, никто его еще не замѣчаетъ, а отецъ уже зреть его. Но, Боже! въ какомъ плачевномъ видѣ зреть его! Это уже не прежній бодрый сильный юноша: это какой-то несчастный: слабый, болѣзненный, съ мучительною тоскою во взорѣ, падающій чуть не на каждомъ шагу, едва прикрытый ветхимъ рубищемъ и вовсе безъ обуви. Но при всемъ томъ отецъ узнаетъ его; въ родительскомъ сердцѣ не находится мѣста негодованію и гнѣву. Отецъ видитъ въ сынѣ только несчастнаго, и не

хочетъ видѣть преступника. Пусть онъ сынъ и безобразенъ и нечистъ... но онъ все-таки, какъ сынъ, „*милъ ему бысть*“, и потому спѣшитъ къ нему на встрѣчу, чтобы ободрить его своею ласкою, и падши ему на шею, цѣлуетъ его. И велитъ рабамъ одѣть его въ лучшую одежду и надѣть перстень на руку его въ знакъ возвращенія ему прежнихъ сыновнихъ правъ; и наконецъ устраиваетъ пиръ: „*яко сей сынъ его мертвъ бѣ, и оживе: и избѣгъ бѣ, и обрѣтеся. И начаша веселитися*“.

Такъ изображаетъ Иисусъ Христосъ безконечное милосердіе Отца небснаго къ кающимся грѣшникамъ. И нѣтъ такого беззаконника, покаянія котораго бы Господь не принялъ. Напротивъ, Онъ, Милосердый, Самъ предвѣряетъ своею благодатію наше обращеніе къ Нему; Онъ Самъ спѣшитъ во срѣтеніе нашему покаянію.

„*И бываетъ радость предъ ангелами Божиими о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15, 10). Радуется и церковь Христова, когда въ ея материнскія нѣдра возвращается заблудшее чадо. Отраднo и обратившемуся грѣшнику войти снова въ общество чадъ Божіихъ, облечься правами сыновъ царствія Христова, пасть при подножіи алтаря Господня, вкушать „*брашно пребывающее въ животѣ вѣчный*“ (Іоан. 6, 27) и наслаждаться душевнымъ миромъ съ увѣренностію, яко „*не помянутся ему вся согрѣшенія его, елика сотворилъ*“ (Іезек. 18, 22).

Да будутъ же благословенны тѣ минуты, когда бѣдная душа наша просыпается отъ грѣховнаго усыпленія, и мы, поразившись своимъ ничтожествомъ и ужаснувшись своихъ грѣховныхъ язвъ, спѣшимъ прибѣгнуть къ милосердію Отца небснаго, въ покаяніи взывая къ Нему изъ глубины души: Отче, согрѣшили мы противъ неба и предъ Тобою!

Священникъ Скорбященской церкви при каторжной тюрьмѣ
Николай Догадовъ.

— Благодарственное молебствіе. Сегодня 9 февраля, въ 12 час. дня, въ церкви Свято-Духова монастыря, послѣ божественной литургіи, совершено Его Высокопреосвященствомъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, въ присутствіи г. главнаго начальника края, всѣхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, воспитанниковъ всѣхъ виленскихъ учебныхъ заведеній и множества народа, благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю спасенія драгоценной жизни Богохранимаго Государя Императора отъ угрожавшей Его Величеству опасности при произведенномъ 5 февраля, въ 7 часу по полудни, взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ, въ подвальномъ этажѣ.

Содержаніе № 6.

ПРАВИТ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Указы Св. Синода. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Назначеніе. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Награжденіе псаломщиковъ. Освященіе церквей. Пожертвованія. Рукоположенія. Отъ правленія Виленск. дух. училища. Вакансія. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Н. А. Левиковъ. Касательно жгучихъ вопросовъ современнаго пастырства. Бесѣда.

Предыдущій № данъ на почту 3-го Февраля.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.